

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-6-65-73

УДК 821.161.1

Явень Чжан**Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация**

Дуэль как неизбежный исход отношений Онегина и Ленского в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин»

Аннотация. В статье рассматривается проблема понимания кульминационного события – дуэли между Онегиным и Ленским как исхода антиномического тупика в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Основными исследовательскими методами являются литературно-исторический, психологический, герменевтический и аксиологический. Автор акцентирует внимание на двух экзистенциальных темах произведения – любви истинной/суетной и дружбе/вражде, имеющей в основе феномен соперничества как причины конфликта, и предлагает гипотезу о том, что в характере описания знакомства и сближения героев во второй, третьей и пятой главах романа содержится прогноз неизбежной дуэли. Сложные отношения между дуэлянтами обнаружены в мизантропическом характере главного героя и идущем вразрез с этим его парадоксально снисходительном отношении к Ленскому. Анализируя внутреннее противоречивое состояние Онегина, автор предполагает, что юный поэт воспринимался Онегиным как зеркало воспоминаний. Особое внимание уделено инициативе Татьяны (имеем в виду любовное письмо и сон героини), поскольку в этих двух событиях показывается символика неизбежности и трагичности исхода будущего дуэли, тем более, все детали сна представляют мистическое воздействие героини на своего избранника. Мщение героя Ленскому на балу далеко не просто пылкий мальчишеский поступок, оно побуждено невольным сочувствием Онегина Татьяне и по сути является поражением героя во внутренней борьбе со своей хандрой, что в итоге привело к кровавому исходу – дуэли, и, учитывая ее жесткую ритуальность, дуэль становилась вынужденным, единственным исходом решения конфликта, уступкой деспотии обычая.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, суть и смысл дуэли в «Евгении Онегине», тема онегинской хандры в романе, отношения Евгения Онегина и Татьяны Лариной, отношения Евгения Онегина и Владимира Ленского

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Чжан Явень. Дуэль как неизбежный исход отношений Онегина и Ленского в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» // Литература в школе. 2023. № 6. С. 65–73. DOI: 10.31862/0130-3414-2023-6-65-73

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-6-65-73

Yawen Zhang

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

The duel as an inevitable outcome of Onegin and Lensky's relationship in the novel "Eugene Onegin" by A.S. Pushkin

Abstract. The article considers the problem of understanding the climactic event – the duel between Onegin and Lensky as an outcome of an antinomic dead end in the "Eugene Onegin" novel by A.S. Pushkin. The main research methods are literary-historical, psychological, hermeneutic and axiological. The author focuses on two existential themes of the novel – true/vain love, and friend/foe, which is based on the phenomenon of competition as the cause of the conflict, and proposes a hypothesis that the descriptive characteristics of acquaintance and bonding between the heroes in the second, third and fifth chapters of the novel contains a forecast for an inevitable duel. The complex relationship between the duelists is revealed in the misanthropic characteristic of Onegin and his paradoxically opposite permissive attitude towards Lensky. Analyzing the internal contradictory state of the main character, the author supposes that Onegin perceived the young poet as a mirror of his memories. Particular attention is paid to Tatiana's initiative (her love letter and the dream), since these two events show the symbolic inevitability and tragedy of the future duel, especially since all the details in the dream represent the heroine's mysterious influence on her beloved one. Onegin's revenge on Lensky at the ball is far from just an ardent boyish behavior, it's prompted by Onegin's involuntary sympathy for Tatyana and is essentially the hero's defeat in the internal struggle with his melancholy, which ultimately led to a cruel outcome – the duel. Considering its harsh ritualism, the duel became the only and forced outcome of resolving the conflict, a concession to the despotism of the custom.

Key words: A.S. Pushkin, the essence and meaning of the duel in the "Eugene Onegin", the theme of Onegin's melancholy in the novel, Eugene Onegin and Tatyana Larina's relationship, Eugene Onegin and Vladimir Lensky's relationship

CITATION: Zhang Yawen. The duel as an inevitable outcome of Onegin and Lensky's relationship in the novel "Eugene Onegin" by A.S. Pushkin. *Literature at School*. 2023. No. 6. Pp. 65–73. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2023-6-65-73

В романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» две центральные сюжетные линии: отношения Евгения Онегина и Татьяны Лариной, Евгения Онегина и Владимира Ленского, формирующие, соответственно, две экзистенциальные темы произведения – любовь истинная/суетная, и дружба/вражда, имеющая в основе феномен соперничества как причину конфликта. Дуэль Онегина с Ленским является ключевым событием последней темы. Гибель Ленского на дуэли с Онегиным в романе дана как «кульминация фабулы, событие, решающее судьбы всех главных героев» [10, с. 126]. Это событие обусловлено авторской волей, представляет собой единственно «насильственную» в контрасте с остальными «естественными» смертями в романе [7, с. 13].

Для истолкования сути и смысла дуэли в «Евгении Онегине» необходимо, прежде всего, обратиться к анализу трех фундаментальных аспектов проблематики исследуемого феномена: зарождение конфликта между Онегиным и Ленским; неминуемость будущих событий, предсказанных обильной текстовой символикой; проблематика любви как источник конфликта между приятелями и его трагической развязки.

Первые две главы являются экспозиционными к основной части романа, в которых создается художественная перспектива развития центрального образа – Евгения Онегина. Пушкин раскрыл «выдвинутый им характер в его происхождении,

во всех подробностях его сложения и развития», что позволяет наблюдать единство процессов, происходящих в герое – «процесса самопознания, самораскрытия и процесса познания окружающей действительности» [1, с. 110–111]. Таким образом, назначение первой главы состоит не только в идее познакомить читателя с Онегиным как типичным представителем «золотого дворянства» Петербурга первых двух десятилетий XIX в., но и в том, чтобы одновременно изобразить начало *духовного пробуждения* Онегина – то, что отличало героя от сверстников его сословия, хотя обнаруживается это в тексте пока лишь в личных внутренних переживаниях молодого человека. Содержание первых глав можно рассматривать как *обещание* дальнейших событий, в которых Онегин окажется в жизненной ситуации, требующей от него личного отклика на новую среду, обстоятельства и не случившиеся прежде отношения с людьми.

Так, в первой главе до описания состояния, названного нами *духовным пробуждением* героя, происхождение, семья¹, детство, воспитание и искушения юности почти не отличались от жизни «проникнутой тщеславием» аристократической молодежи Петербурга. Общей для всех была

¹ Надо заметить существенную разницу в описании родителей Онегина и Татьяны: в тексте нет ясного упоминания о матери героя, зато приводится развернутая характеристика матери Татьяны, а упоминание его отца дается скупой и вскользь.

суетная атмосфера существования («жить торопится, и чувствовать спешит» [8, с. 10]), его содержанием были извечные стадные *panem et circenses* (рестораны, балы, театры). Выразительны сцены, в которых Онегин был развлечен блеском бала или увлечен тщеславным интересом к театру. Признаки *духовного пробуждения* Онегина заметны в описании двух сцен: «и тесноты, и блеска и радости» балов (ср. с XXXVI строфой первой главы: «Но, шумом бала утомленный...») [Там же, с. 25], и «волшебного края» – театра: «Онегин полетел (курсив наш. – Я.Ч.) к театру, / Где каждый, вольностью дыша, / Готов охлопать *entrechat*, / Обшикать Федру, Клеопатру, / Моину вызвать (для того, / Чтоб только слышали его)» [Там же, с. 17].

Согласно описанию театральных представлений в первой главе, жизнь Онегина в светском обществе также была *театрализована*, где каждый должен строго соблюдать правила и уметь играть «свою роль», лишаясь при этом индивидуальности. Показательно, что восторженное отношение к театру сменяется в будущем разочарованием, недовольством, скукой, равнодушием, постоянными зевками – «волшебный край» превратился в утомительное место, где ему больше не сиделось: «Еще амуры, черти, змеи / На сцене скачут и шумят... / А уж Онегин вышел вон; / Домой одеться едет он» [Там же, с. 19]. Хотя причина раннего ухода Онегина из театра объясняется необходимостью подготовиться к балу, тем не менее, в приведенном пассаже уже обнаруживаются признаки болезни, названной автором «русской хандрой» [Там же, с. 26].

Н.Л. Бродский замечает, что «“хандра”, “скука”, “тоска” ...бли-

жайший итог “душевной пустоты”, отчасти следствие праздной жизни Евгения... – коренились в классовом бытии Онегина, “наследника всех своих родных”» [4, с. 41]. Состояние Онегина было настолько мучительным для него, что герой мог оказаться на грани самоубийства: «Он застрелиться, слава Богу, / Попробовать не захотел» [8, с. 26]. Вместо этого он пытается понять причины происходящего с ним, избирая два средства: писательство, надеясь в процессе творчества найти эти причины («Онегин дома заперся, / Зевая, за перо взялся, / Хотел писать – но труд упорный / Ему был тошен; ничего / Не вышло из пера его»), или чтение («Отрядом книг уставил полку, / Читал, читал, а все без толку: ...Как женщин, он оставил книги, / И полку, с пыльной их семьей, / Задернул траурной тафтой») [Там же, с. 27]. Мы считаем, что болезненное состояние героя явится предпосылкой раздражительности, приведшей к конфликту с младшим другом и дуэли.

Тема онегинской хандры получает продолжение во второй главе. Благодаря авторскому голосу, составляющему «универсальную лирическую предпосылку эпоса третьих лиц» [2, с. 108], раскрывается мизантропический характер Онегина («Сперва Онегина язык / Меня смущал; но я привык / К его язвительному спору, / И к шутке, с желчью пополам, / И злости мрачных эпиграмм») [8, с. 28]. Замечается, что Онегин «равно зевал» как в модных салонах, так и в деревне, где мизантропический характер героя получил новую пищу: дома, как только герой слышал приезд гостей, «с заднего крыльца / Обыкновенно подавали / Ему донского жеребца... / Поступком оскорбься таким, /

Все дружбу прекратили с ним» [8, с. 37–38]. Тихое течение жизни Онегина в деревне, если не считать недовольство деревенских жителей «опаснейшим чудачком», нарушается появлением юного поэта, в чьей характеристике «совершенно отсутствует доля разочарования» [9, с. 551], и поэтому для Онегина он будто был *чистым листом*, на котором жизнь еще не успела оставить следы лицемерия и неблагополучия.

Ленский принял героя как человека единственно достойного своей дружбы в деревне, а Онегин в свою очередь снисходительно отнесся к Ленскому, жалея его: «Глупо мне мешать / Его минутному блаженству; / И без меня пора придет» [8, с. 43]. В романе представлены три типа дружбы Онегина:

- 1) дружба по сословной принадлежности: она наполнена *нарядными куклами* светского общества Петербурга, в том числе и самим Онегиным, а для заболевшего хандрой героя такая дружба лишь череда скучных бездумных повторений, поверхностных и ненужных; в сравнении же Онегина с Ленским («Так точно старый инвалид / Охотно клонит слух прилежный / Рассказам юных усачей, / Забытый в хижине своей») [Там же, с. 44] скандывается невозможность для главного героя возвращения в то пылкое юношеское состояние души, хотя при этом, возможно, хандра несколько отступала от Онегина;
- 2) дружба по душевному сближению с автором-поэтом;
- 3) дружба как *зеркало* воспоминаний – так можно определить отношения Ленского и Онегина, когда младший служит для старшего своего рода *чайшей памяти*, в кото-

рую тот погружается, оживляя себя минувшего.

Мы помним авторскую характеристику отношений, которые охарактеризованы как «от *делать* нечего друзья» [Там же, с. 42], однако полагаем, что дружба героев выходила за пределы этого определения. Тем более, что между ними замечалась не обычная близость, а общность судьбы. Как ни парадоксально, высказанная идея утверждается в пассаже, в котором автор диалектически объединил ряд антиномических метафор: «Они сошлись. Волна и камень, / Стихи и проза, лед и пламень / Не столь различны меж собой» [Там же]. «Волна и камень» означает неизбежность столкновения²; «стихи и проза» – *литературные стихи*, в которых акцентировано различие вместо сходства; «лед и пламень» – *экзистенциальное противоборство стихий*, где одно неизбежно уничтожает другое. Неотвратимость зарождения и расширения конфликта между приятелями в определенной степени концептуализируется в отмеченной символике и проявляется в их общении: «Меж ими все рождало споры / И к размышлению влекло» [Там же, с. 44].

Широкий диапазон отношения Онегина к людям, от мизантропического, например, к соседям, до благоклонного – к Ленскому («Съезжались каждый день верхом / И скоро стали неразлучны») [Там же, с. 42], позволяет предположить резкие переходы настроения у героя. Сказанное не только относится к раздражению героя в пятой главе на именинах Татьяны, но возвращает назад к диалогу

² Замечательно прочитал это выражение М.Ю. Лермонтов и передал его смысл словосочетанием в «Тамани» – «пена валунов» [5, с. 252].

героев по дороге от Лариных в V строфе третьей главы. Вопрос Онегина к Ленскому («Скажи: которая Татьяна?») [8, с. 56] имеет важный психологический подтекст, он вовсе не означает, что герой не различает сестер – он боится, разумеется, не отдавая себе отчета в том, что ЭТА девушка может оказаться невестой Ленского. Вопрос также вызван впечатлением от Татьяны. Отсюда восторженная реакция на слова Ленского: «Неужто ты влюблен в меньшую?» [Там же]. И наконец, замечание «Когда б я был, как ты поэт» [Там же] несет в себе больше, чем обычное сравнение: Онегин не сравнивает, а ставит себя на место Ленского. С.Г. Бочаров считает, что «ставя себя гипотетически на идеальное место “поэта”, Онегин делает свой идеальный выбор. Но этот выбор он делает на идеальном месте, как бы на чужом месте, и поэтому лишь в возможности: он *выбрал бы другую*» [3, с. 21]. Добавим, что герой не только гипотетически ставит себя на место Ленского – он замещает его собой. Дальнейшая эскапада («В чертах у Ольги жизни нет...») показывает, что Онегин не может удержаться от язвительных, даже оскорбительных слов о любимой девушке Ленского, после которых развитие конфликта между героями становится необратимым, на что указывает обида молодого поэта («Владимир сухо отвечал / И после во весь путь молчал») [8, с. 56].

Таким образом, подчеркнем три текстовых сигнала будущего превращения приятельских отношений во враждебные: во-первых, «призрак невозвратимых дней», «змия воспоминаний» и «раскаянье» Онегина [Там же, с. 28]; во-вторых, полная разность характеров героев; нако-

нец, эпизод их разговора в V строфе третьей главы. Отдельного анализа требует *инициатива* Татьяны в третьей и пятой главах, имея в виду письмо и сон героини, поскольку эти два события безусловно определили как неизбежность, так и трагический исход дуэли. «Язык девических мечтаний» возмутил душу Онегина и погрузил его «в сладостный, безгрешный сон» (последнее сочетание мы понимаем как синоним мечты) [Там же, с. 78]. Письмо Татьяны задает в душе Онегина тот высокий идеал любви, отступить от которого он не мог, поэтому мы склонны рассматривать отповедь героя не только в контексте традиционных толкований, но и как защиту того чувства, которое Татьяна в нем пробудила; сказанное объясняет появление эпиграфа к главе: «Нравственность в природе вещей» [Там же, с. 76].

Четвертая глава разделяет письмо и сон Татьяны, в ней вызревает конфликт и назревает столкновение. Отношения между героями развиваются по принципу контраста. Монолог Онегина в саду, т.е. ответ на ее письмо означал для Татьяны *запрет* на любовь («Учитесь властвовать собою») и жизнь («Татьяна увядает, / Бледнеет, гаснет и молчит»), времяпрепровождение Онегина охарактеризовано метафорически автором как «задумчивая лень» [Там же, с. 83, 90, 180]. Отношения Ленского и Ольги, напротив, расцветают – «Час от часу плененный боле / Красами Ольги молодой, / Владимир сладостной неволе / Предался полною душой» [Там же, с. 83], однако и резкий контраст в настроении героев, и ложное сближение в конце главы предвещают взрыв и потрясения в следующей главе.

Надо заметить, что отношения между героями наиболее обостряются, когда в тексте речь идет о парах Онегин – Татьяна и Ленский – Ольга, как случилось в эпизоде после их визита к Лариным, и так случится во сне Татьяны и на ее именинах. Приход снежной зимы воодушевил Татьяну: Онегин *запретил* ей любить его, но не мог запретить гадать, и она прибегает к самому опасному способу узнать и возможно изменить будущее – гадание через сон, только во сне желания Татьяны могут *повелевать* Онегиным, поэтому любое событие «страшного» сна следует рассматривать как символический знак решимости героини в ее любви к Онегину. Этот сон прерывает ход реальных событий, «помещен почти в “геометрический центр” “Онегина”» [7, с. 8], «выглядит плотным ядром внутри свободно разбегающегося текста» и «рассеивает смысловое излучение на весь романский текст» [10, с. 30].

Сон Татьяны состоит из трех частей, в первой описывается путь героини. Самый существенный момент в нем – преодоление ручья, особенно значимы при этом три его определения: «Кипучий, темный и седой»³ [Там же, с. 98]. Затем Татьяна видит героя в окружении уродов и чудовищ, представляющих собой мистическое отражение людей из мира реальности⁴. И наконец, тот эпизод, в котором сборище претендует на юную деву («Копыты, хоботы кривые, / Хвосты хохлатые, клыки, /

³ Для того, чтобы продолжить путь к герою, Татьяна должна оставить за собой три качества, выраженные названными эпитетами.

⁴ Показанная во сне фантазмагорическая картина совпадает с нарисованными в душе Онегина «кариатурами всех гостей» на именинах Татьяны.

Усы, кровавы языки, / Рога и пальцы костяные, / Все указывает на нее, / И все кричат: мое! мое!» [Там же, с. 102], означающий, что Онегин должен защитить Татьяну, тем самым сделать свой выбор («*Мое!* – сказал Евгений грозно, / И шайка вся сокрылась вдруг») [Там же].

Следующая сцена сна («Онегин тихо увлекает / Татьяну в угол и слагает / Ее на шаткую скамью / И клонит голову свою») [Там же] предполагает чудесное единение чувств героев. Она совершенно лишена какой-либо чувственной аналогии и совпадает стилистически с состоянием Онегина после прочтения письма Татьяны («В сладостный, безгрешный сон / Душою погрузился он») [Там же, с. 78] – и прерывается грубым вторжением («Вдруг Ольга входит, / За нею Ленский») [Там же, с. 102]. Нет сомнений, что автор этим противопоставляет и разделяет любовь *горнюю* и любовь *дольную*. Убийство Ленского во сне Татьяны, как и весь сон, обычно понимается вещим предсказанием будущего, которое произойдет в реальности, однако, на наш взгляд, оно должно осознаваться как символический отказ Онегина от любви суетной и бытовой. Обобщая, скажем, что все детали и события сна представляют *мистическое* воздействие героини на своего избранника. Так, например, Татьяне внятно, что им не суждено соединиться в реальной жизни, поэтому она *заставляет* героя совершить идеальный выбор в пользу истинной, безгрешной любви. Все последующие поступки Онегина следует рассматривать в отмеченной перспективе.

В описании именин Татьяны сон героини отражается в реальных событиях, и идея неизбежности дуэли принимает все более явные очертания.

Мщение героя Ленскому на балу далеко не просто пылкий мальчишеский поступок, а по сути представляет собой *взрыв* внутренних конфликтов в самом Онегине, которому предшествовал долгий период тайного зарождения и вызревания. Заметно, что в конфликте с Ленским воспитанные в герое суетные качества до такой степени оказались неискоренимыми, что возобладали над его разумом и совестью. Чрезмерное самолюбие героя переродилось в мизантропию и привычку считать себя выше всех других («Но куча будет там народу / И всякого такого сброду...») [10, с. 92]. Как и в сне, именно состояние Татьяны вызвало досаду у героя, лишило его сдержанности, возбудило нетерпимость к окружению и «траги-нервическим явлениям» [Там же, с. 106], которые оказались настолько неуправляемы, что в итоге Онегин направил *дуло пистолета* на Ленского – нашел жертву для выпуска своих негативных эмоций. На самом же деле за *хулиганским* поведением Онегина на именинах скрывается его тайная досада. И когда Ленский в негодовании покинул бал, Онегин остался, «скукой вновь гоним, / Близ Ольги в думу погрузился, / Довольный мщением своим» [Там же] – состояние, предсказывающее поражение героя во внутренней борьбе со своей хандрой, которое привело к кровавому исходу конфликта – дуэли.

Накануне поединка Ленский, «раскаяньем томим», и Онегин, призвавший себя «на тайный суд» [Там же, с. 116, 119], осознали ошибочность и непоправимость принятого решения: ведь дуэль представ-

ляет «целостное театрализованное действие – жертвоприношение ради чести, обладает строгим сценарием. Как всякий жесткий ритуал, она лишает участников индивидуальной воли. Остановить или изменить что-либо в дуэли отдельный участник не властен» [6, с. 536]. Более того, единственным распорядителем этой дуэли служит Зарецкий – не только знаток дуэли, но и хитрый манипулятор, «заинтересованный в максимально скандальном и шумном» [Там же, с. 534]. Этот «в дуэлях классик и педант» упустил первую возможность примирения еще при вручении герою записки от Ленского; далее опоздание Онегина могло считаться уклонением от сражения; вслед за этим назначение слуги француза Гильо секундантом могло бы возмутить Зарецкого неравенством их социального состояния, но он все это проигнорировал и заставил бывших друзей выбрать грешный путь, на котором нет возврата.

Таким образом, конфликт между Онегиным и Ленским, по сути, зарождается в непоследовательном и противоречивом внутреннем состоянии самого Онегина, он обусловлен особыми дружескими отношениями героев (Онегин воспринимает Ленского как *зеркало* воспоминаний) и инициативой Татьяны, и через долгое время тайного назревания взрывается на именинах героини. В итоге ситуация приобрела форму антиномического тупика, когда дуэль становится для обеих сторон неизбежным и вынужденным исходом решения конфликта, уступкой деспотии обычая.

Библиографический список

1. *Благой Д.Д.* Социология творчества Пушкина: этюды. 2-е изд., доп. М., 1931.
2. *Бочаров С.Г.* Поэтика Пушкина: очерки. М., 1974.
3. *Бочаров С.Г.* Сюжеты русской литературы. М., 1999.
4. *Бродский Н.Л.* Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». М., 1932.
5. *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1, 6. М., 1957.
6. *Лотман Ю.М.* Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995.
7. *Маркович В.М.* Пушкин и Лермонтов в истории русской литературы: статьи разных лет. СПб., 1997.
8. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. М., 1960.
9. *Томашевский Б.В.* Пушкин: Опыт изучения творческого развития. Кн. 1. М.; Л., 1956.
10. *Чумаков Ю.Н.* Пушкин. Тютчев. Опыт имманентных рассмотрений. М., 2008.

References

1. Blagoy D.D. Sotsiologiya tvorchestva Pushkina: Etyudy [Sociology of Pushkin's creativity: Etudes]. 2nd ed. Moscow, 1931.
2. Bocharov S.G. Poetika Pushkina [Pushkin's poetics]. Essays. Moscow, 1974.
3. Bocharov S.G. Syuzhety russkoi literatury [Plots of Russian literature]. Moscow, 1999.
4. Brodsky N.L. Kommentarii k romanu A.S. Pushkina «Evgeniy Onegin» [Commentary on the novel "Eugene Onegin" by A.S. Pushkin]. Moscow, 1932.
5. Lermontov M.Yu. Sobraniye sochineniy: V 6 t. [Collected works in 6 vols.]. Vols. 1, 6. Moscow; Leningrad, 1957.
6. Lotman Yu.M. Pushkin: Biografiya pisatelya. Stati i zametki, 1960–1990; «Evgenii Onegin» [Pushkin: Biography of the writer. Articles and notes, 1960–1990; "Eugene Onegin"]. Commentary. St. Petersburg, 1995.
7. Markovich V.M. Pushkin i Lermontov v istorii russkoi literatury [Pushkin and Lermontov in the history of Russian literature]. Articles from different years. St. Petersburg, 1997.
8. Pushkin A.S. Sobraniye sochineniy: V 10 t. [Collected works: In 10 vols.]. Vol. 4. Moscow, 1960.
9. Tomashevsky B.V. Pushkin: Opyt izucheniya tvorcheskogo razvitiya [Pushkin: Experience in studying creative development]. Book 1. Moscow; Leningrad, 1956.
10. Chumakov Yu.N. Pushkin. Tyutchev. Opyt immanentnykh rassmotrenii [Pushkin. Tyutchev. Experience of immanent considerations]. Moscow, 2008.

Статья поступила в редакцию 30.10.2023, принята к публикации 25.11.2023
The article was received on 30.10.2023, accepted for publication 25.11.2023

Сведения об авторе / About the author

Явень Чжан – аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Yawen Zhang – PhD postgraduate student at the Department of History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

E-mail: danizhang317@gmail.com